

© 2008 г.

Член-корр. РАН В.М. АЛПАТОВ

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН ЗИНАИДА ВЛАДИМИРОВНА УДАЛЬЦОВА (1918–1987)

Зинаида Владимировна Удальцова родилась 5 марта 1918 г. в Кисловодске в семье местного землевладельца Владимира Амвросьевича Мыльцына и его жены Марианны Дмитриевны, урожденной Абрамовой.

Оба ее деда выбились "из простых" наверх. Дед по отцу Амвросий Николаевич Мыльцын происходил из мещан города Царицына (ныне Волгоград), начинал чуть ли не бурлаком, затем стал лесопромышленником. Ему принадлежали большой лесопильный завод в Царицыне и несколько домов, вел он также дела по сплаву леса по всей Волге. Его дело унаследовал старший сын, а Владимира Амвросьевича, единственного в семье, решили учить. В 1910 г. он окончил юридический факультет Московского университета. Однако юриспруденция его не увлекла, и он быстро перестал работать по полученной в университете профессии, а впоследствии не пытался к ней вернуться. Его интересы лежали совсем в другом. После женитьбы и рождения старшей дочери Ирины он решил обзавестись собственным хозяйством. Незадолго до революции он купил большой земельный участок на окраине Кисловодска, возле станции Минутка, завел породистых лошадей, племенных коров, кур и начал хозяйствовать.

Дед с материнской стороны Дмитрий Николаевич Абрамов, родом из крестьян Кирилловского уезда Новгородской губернии (теперь Вологодская область), смолodu начал работать в Волжско-Камском банке, служил в его отделениях в разных поволжских городах и завершил карьеру управляющим отделения банка в Вятке, там родилась Марианна Дмитриевна. В семье было пять дочерей и два сына. Абрамовы были культурной семьей, две старшие дочери учились в Сорбонне, а дочь Зинаида, по мужу Клобукова (в ее честь назвали племянницу) была скульптором, ученицей Голубкиной и основала в Вятке первую художественную школу. Сама Марианна Дмитриевна окончила лишь гимназию и почти никогда не работала, но любила музицировать и хорошо играла на рояле и пела.

К моменту рождения Зинаиды Владимировны хозяйство на Минутке еще существовало, но вскоре началась гражданская война. Власть много раз менялась, отца однажды чуть не расстреляли, но в итоге вся семья осталась жива, потеряв большую часть хозяйства. Сохранилась одна корова, спасавшая детей в трудные годы. Семья переехала в другой дом, поменьше, в самом Кисловодске, где жила до 1929 г. Жили сдачей жилья интеллигентным курортникам: в доме на Тургеневской улице снимали комнаты В.И. Качалов, В.В. Вересаев, Ю.Н. Тынянов, академик П.Н. Сакулин.

Нельзя не отметить совпадение: Зинаида Владимировна родилась в том же году, в том же городе и в семье того же социального слоя, что А.И. Солженицын (семьи знакомы не были). Но судьбы их сложились совершенно по-разному.

В 1929 г. в Кисловодске началось преследование домовладельцев. Семья сначала лишилась дома, через год появилась опасность ареста. Владимир Амвросьевич уехал в Сталинград к матери, туда же отправилась старшая дочь, окончившая школу. Вскоре Марианну Дмитриевну предупредил знакомый: она в списках на арест и следующей ночью за ней должны придти. Пришлось немедленно уехать в Москву к сестре-скульптору. Зина, которой было двенадцать лет, осталась в Кисловодске одна на целый год. Уже тогда ей пришлось учиться быть самостоятельной. Через год, летом 1931 г., и она уехала в Москву, где собралась вся семья; с тех пор она всегда жила там, исключая период эвакуации. В большом городе нетрудно было затеряться, и в итоге репрессии не коснулись никого из Мыльцыных.

Семья жила в те годы в проходной комнате большой коммунальной квартиры в Выползовом переулке (теперь на месте этого дома дворец "Олимпийский"). Затем в 1936 г. отцу удалось выхлопотать небольшую двухкомнатную квартиру возле зоопарка, на Конюшковской улице. Отец работал мелким служащим, мать вела хозяйство, дочери учились (Ирина Владимировна окончила Педагогический институт имени Ленина и впоследствии более 30 лет преподавала русскую литературу на факультете журналистики МГУ). Жилось трудно, но весело. Одно время Зина увлеклась балетом и занималась у знаменитого К.Я. Голейзовского. Но скоро она поняла, что великой балерины из нее не выйдет, хотя с Голейзовским потом дружила много лет. В 1935 г. Зина вместе со школьной подругой Ириной Кругликовой (впоследствии археолог, доктор исторических наук) решила поступать на исторический факультет МГУ, воссозданный лишь за год до этого. Выбор профессии был сделан раз и навсегда.

Вскоре жизнь круто изменилась. Уже на втором курсе студентка вышла замуж за своего сокурсника Ивана Удальцова. Первый брак не оказался прочным (хотя фамилия сохранилась на всю жизнь), но значительным для Зинаиды Владимировны оказалось влияние среды, в которой она оказалась, резко отличавшейся от того, к чему она привыкла. Ее муж был сыном старого коммуниста Ивана Дмитриевича Удальцова (до сих пор в Москве есть улица, названная в его честь), недолго бывшего ректором МГУ. Свекор был ярким, интересным человеком, как и его жена, Маргарита Мануиловна. Уровень жизни и круг знакомств были совершенно иными по сравнению с Выползовым переулком. Три лета подряд Удальцовы, включая Зину, отдыхали в Теберде, где одновременно с ними бывали С.С. Прокофьев, Л.Д. Ландау. Но этой семье пришлось пережить и 1937 г. Не раз к привилегированному дому на улице Усачева по ночам подъезжали машины, Иван Дмитриевич жег бумаги. Но и тут обошлось: Удальцовы оказались среди меньшей части жильцов дома, которая уцелела. После развода Зинаида Владимировна продолжала дружить с Иваном Дмитриевичем и Маргаритой Мануиловной до конца их жизни.

Влияние Ивана Дмитриевича и его брата, историка Александра Дмитриевича Удальцова проявилось и в выработке общественной позиции студентки истфака. До университета она даже не состояла в комсомоле. Но на факультете она стала активной общественницей. Позже, в 1945 г. И.Д. Удальцов, тогда уже не родственник, дал ей рекомендацию в партию.

Но, прежде всего, она старательно училась, в дипломе у нее были всего две четверки, каждую из которых она долго переживала. В те годы на факультете было много хороших преподавателей, но выбор главного Учителя произошел сразу и окончательно: это был будущий академик Евгений Алексеевич Косминский, заведовавший кафедрой истории средних веков (которую спустя много лет возглавит сама Зинаида Владимировна). Студентка занималась в его семинаре. Но чем она будет дальше заниматься, еще не было ясно.

Выбор подсказал незадолго до окончания университета А.Д. Удальцов. Как-то он сказал: "Сейчас перспективны те области истории, которые нужно создавать заново и которые пока не охвачены специалистами". Племяннику он посоветовал заняться историей славян (впоследствии он стал директором Института славяноведения АН СССР), а его жене – историей Византии. Идея понравилась, темой диплома стало снабжение

Константинополя хлебом при Юстиниане. Руководителем был Косминский, специалист по Западной Европе: византинистов на факультете тогда не было.

Как известно, русское дореволюционное византиноведение было очень сильным и одним из ведущих в мире. Но оно (как и славистика) было особенно тесно связано с официальной царской политикой, среди византинистов и славистов преобладали ученые консервативной ориентации, почти не было людей с левыми взглядами и тем более марксистов; кроме того, византиноведение в России традиционно имело религиозно-православную окраску, большое место в нем занимала история церкви. Поэтому после революции, когда началась борьба за новую науку, эта дисциплина оказалась в особо тяжелом положении. Старое византиноведение в 20-е годы как-то спасал авторитет его многолетнего лидера академика Ф.И. Успенского, но после его смерти в 1928 г. ситуация резко ухудшилась. Одни умерли, другие еще раньше эмигрировали, третьи стали жертвами репрессий, как В.Н. Бенешевич и Ф.И. Шмит. Новые же кадры долго не появлялись. В 30-е годы многие считали, что вообще Византия – не та тема, которой стоит заниматься историку-марксисту, что она далека от нас и "неактуальна". В первой половине 30-х годов, византиноведения в СССР почти не существовало, если не считать изучения византийского искусства, где с 20-х годов работал В.Н. Лазарев. Лишь к концу десятилетия появились первые советские византинисты, причем в Ленинграде раньше, чем в Москве. З.В. Удальцова еще студенткой ездила на преддипломную практику в Ленинграде к одной из первых византинистов новой, марксистской формации, Елене Эммануиловне Липшиц. С тех пор они с Липшиц находились в научном контакте почти полвека (Елена Эммануиловна была старше, но пережила Зинаиду Владимировну), хотя их отношения бывали достаточно сложными.

В 1940 г. З.В. Удальцова окончила МГУ и была оставлена в аспирантуре у Е.А. Косминского. Через год началась война, семья (кроме отца, отказавшегося выезжать из Москвы и работавшего комендантом бомбоубежища на Конюшковской) уехала в Бугуруслан Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Там обе сестры преподавали в местном учительском институте, а затем и в эвакуированном в этот город из Кишинева Молдавском педагогическом институте. В Бугуруслане Зинаида Владимировна встретилась с работавшим тогда в Чкаловском обкоме аспирантом Косминского по МИФЛИ Михаилом Антоновичем Алпатовым (в Москве они знакомы не были). После возвращения в Москву они поженились и не расставались до смерти Михаила Антоновича в 1980 г.

В июле 1943 г. Зинаида Владимировна вернулась в Москву и восстановилась в аспирантуре, одновременно она несла разные, как тогда говорили, общественные нагрузки, в том числе была секретарем приемной комиссии первого набора тогда только формировавшегося МГИМО, как раз в это время она вступила в партию. С 1944 г. параллельно с написанием диссертации она начала преподавать в Высшей партийной школе. А в апреле 1945 г., через несколько дней после завершения текста диссертации у нее родился сын, т.е. я. Пока она была в родильном доме, ее муж занимался перепечаткой диссертации и раздачей экземпляров рецензентам. В июне она уже принимала ребенка, а в октябре защищала диссертацию, уехав в перерыве заседания кормить ребенка и опоздала из-за этого к объявлению результатов голосования. Домашний быт никогда не был ее стихией. К счастью, ей много помогали родители, особенно отец. Владимир Амвросьевич к тому времени оставил работу и целиком занялся домом и внуком. Так было в годы, когда семья жила на Конюшковской, но и потом, когда в 1952 г. Зинаида Владимировна, Михаил Антонович и я переехали на 2-ю Песчаную улицу, он много помогал.

Кандидатская диссертация Зинаиды Владимировны была посвящена видному политическому и культурному деятелю Византии XV в. Виссариону Никейскому. Тема была подсказана Косминским, но она вполне соответствовала склонностям аспирантки. Зинаида Владимировна, безусловно, любила Византию, но с детства и юности всем сердцем восприняла определенные каноны своей эпохи, причем был пункт, в котором и старая русская разночинная интеллигенция, и идейные коммунисты вроде братьев

Удальцовых сходились по взглядам. Они все глубоко почитали античность и Возрождение, недолюбливая "мрачное средневековье". Ее отец был верующим человеком, всю жизнь ходил в церковь, но мать, тетки и большинство их знакомых либо не интересовались религией, либо, как скульптор Зинаида Дмитриевна, были атеистами; Удальцовы, разумеется, были атеистами тоже. Поэтому ее в истории Византии интересовали, прежде всего, начало, когда античные традиции еще не умерли, и конец, когда в гнущуюся империю начали проникать идеи западного гуманизма. А Виссарион был вождем западной, гуманистической партии в период, когда империя гибла под натиском турок.

В кандидатской диссертации подробно была рассмотрена борьба партий в Византии в последние десятилетия ее существования. Этим партиям было три: традиционно-православная, турецкая и западная. И в эту борьбу диссертантка вкладывала свои чувства. Сторонники турок для нее казались предателями, но ее не меньше раздражали исихасты и другие ревнители православной веры. Она говорила и тогда, и позже, что мистики и крайние реакционеры, отрицавшие светскую культуру, ей противны. Симпатии молодой исследовательницы склонялись в сторону западников, связанных с культурой Возрождения. А в те годы и борьба партий пятисотлетней давности могла восприниматься как нечто политически актуальное. В этом смысле тема была скользкой: не только сторонники турок, но и Виссарион мог восприниматься как предатель своего народа: он перешел в католичество и кончил жизнь кардиналом. И появляется работа с симпатией к нему, да еще как раз тогда, когда советская власть смягчила свое отношение к православию, но с Ватиканом достигло апогея жесткое противостояние. На историческом факультете МГУ к диссертантке относились хорошо, и защита прошла успешно. Вскоре в первом номере нового журнала "Советская женщина" появился репортаж "Молодой историк", где его героиня показывалась на фотографиях и на трибуне диссертационного совета, и дома с грудным сыном. Но уже после этого ситуация чуть не осложнилась. Некий Вишневецкий, не раз писавший в инстанции "сигналы" с разоблачениями, написал в ЦК о том, что в МГУ защищена диссертация, в которой прославляется предатель и агент Ватикана. Пришлось ходить "наверх" объясняться, обошлось.

Из диссертации наибольший интерес у историков вызвали разделы, где речь шла о борьбе трех партий в Византии, они тогда же были опубликованы в виде двух статей в только что возобновившемся "Византийском временнике". Это были первые публикации молодого историка. И когда уже в наши дни византинисты решили издать нечто вроде дайджеста "Византийского временника" за столетие его существования, в котором каждый из заметных его авторов представлялся только одним сочинением, из всего множества публикаций Зинаиды Владимировны за 40 лет выбрали именно ее самую раннюю статью по кандидатской диссертации. Видимо, ее посчитали в наименьшей степени устаревшей. Диссертация так и не была издана в виде книги, но разделы, не увидевшие света в 40-е годы (посвященные личности и биографии Виссариона), Зинаида Владимировна издала в виде статей во "Временнике" уже в 70-е годы.

И позже ее как историка тянуло, прежде всего, не в самые "типично византийские" эпохи и сюжеты. Все ее более или менее конкретные по тематике работы (не говорю сейчас об обобщающих и историографических сочинениях) посвящены либо самому концу византийской истории (кандидатская диссертация), либо ее самому началу (две наиболее крупные монографии). И во время работы над трехтомной "Историей Византии" Зинаида Владимировна взяла себе главы лишь в первом и третьем томах, а также руководство первым томом. Всю среднюю часть она целиком отдала А.П. Каждану. У нее было свое личное отношение к своим героям, которых она нередко воспринимала как живых людей. Любимой ее эпохой была эпоха Юстиниана, когда Византия более всего походила на впечатлявшую ее Римскую империю. Ее привлекали "последние римляне", пытавшиеся отстоять гнущуюся античную культуру, и провозвестники новой культуры вроде Виссариона. А монахи и мистики, споры по поводу догматов и обрядов ей были чужды. Безусловно, она внутренне всегда тяготел

ла к западной культуре. Лишь в 70–80-е годы в связи с новым этапом идейной борьбы в СССР, когда западничество стало сопрягаться с антисоветизмом, ее взгляды начали меняться. И еще один аспект византийской истории ее задевал лично: роль женщин. Она симпатизировала жене Юстиниана императрице Феодоре, несмотря на известные ее неприятные качества: Феодора была сильной женщиной и играла большую роль в управлении государством. Другой ее любимой героиней была поэтесса Кассия, с чувством достоинства ответившая императору, собиравшемуся на ней жениться, и не ставшая из-за этого императрицей. Ей самой приходилось не раз ощущать, что женщине пробиваться в карьере бывает труднее.

До 1948 г. Зинаида Владимировна продолжала работать в Высшей партийной школе и по совместительству в МГУ старшим преподавателем, а затем доцентом. В 1948 г. она перешла из Высшей партийной школы на постоянную работу в Академию наук. После короткого пребывания в Институте славяноведения она с начала 1949 г. пришла в академический Институт истории, с которым (с двухлетним перерывом в 1968–1970 гг.) была связана вся ее дальнейшая жизнь. Параллельно она преподавала на кафедре истории средних веков МГУ. Первоначально в институте она работала младшим, а с 1952 г. старшим научным сотрудником в секторе истории средних веков. Пришла она туда еще тогда, когда сектором заведовал Е.А. Косминский, к тому времени академик, всегда хорошо к ней относившийся, но в 1952 г. он был вынужден покинуть свой пост (еще раньше он был отстранен от руководства кафедрой МГУ). Сектор возглавила Н.А. Сидорова, деятельность которой сейчас часто оценивают отрицательно в связи с тем, что она активно проводила партийную линию в науке. Но конфликт ее с Зинаидой Владимировной имел не столько идеологический, сколько личный характер: две энергичные и довольно молодые женщины не могли ужиться. Их отношения быстро испортились, и конфликты вспыхивали постоянно. С конца 40-х годов Зинаида Владимировна также вела основную работу по изданию "Византийского временника". Этот главный печатный орган русской византистики, перестав выходить после смерти Ф.И. Успенского, был возобновлен сразу после войны. Его официальным главным редактором стал Е.А. Косминский, но (после короткого периода, в который журнал делал Б.Т. Горянов) он фактически передал его своей ученице, исполнявшей должности ответственного секретаря, затем заместителя главного редактора. Участвовала она и в коллективных работах: писала главы по Византии в вузовском учебнике истории средних веков и в многотомной "Всемирной истории". В эти же годы у Зинаиды Владимировны появляются первые ученики, среди которых выделялся Г.Г. Литаврин, ныне академик.

Но стоял вопрос о тематике новых работ. После диссертации некоторое время Зинаида Владимировна продолжала изучение Византии XV в., занималась сочинениями Критовула, автора, принадлежавшего к туркофильской партии. Однако постепенно ее все более начинал интересовать ранний период византийской истории. Она поступила в докторантуру. В это время ее вызвали на Старую площадь и предложили как молодой коммунистке написать докторскую диссертацию на тему "Комсомол в Великой Отечественной войне". Она решительно отказалась и не без труда добилась утверждения темы по Византии.

Однако окончательная тема докторской диссертации пришла не сразу. В начале 50-х годов Зинаида Владимировна еще полностью разделяла догмы тогдашней советской науки, среди которых был тезис о "революции рабов, с грохотом опрокинувших Рим", как однажды выразился И.В. Сталин. Ей показался интересным подход, с которым выступил болгарский историк А.Д. Дмитриев, в своей докторской диссертации рассматривавший "революцию рабов" в разных частях Западной Римской Империи и сравнивавший ее ход по регионам. Ей захотелось написать то же для Византии. Начался сбор материала по византийским провинциям. В том числе докторантка занялась и Италией времен Юстиниана, когда она после победы над остготами на некоторое время вошла в состав Византии. А еще раньше, в конце 40-х годов, она вместе с переводчиком С.П. Кондратьевым работала над русским изданием "Войны с готами"

Прокопия (вышло в 1950 г.). И по готскому периоду, и по византийскому в Италии оказалось более всего материала. А концепция "революции рабов" никак не находила на этом материале подтверждения, появились сомнения. Сразу после смерти Сталина начались дискуссии, в ходе которых от "революции рабов" отказались. Что было делать с частично собранным материалом? Постепенно сформировалось решение заняться темой, менее глобальной, но более рациональной: анализом экономических и политических отношений в Италии VI в. и взаимоотношений между Италией и Византией. Результатом стала большая книга "Италия и Византия", обозначенная 1959 годом., но реально вышедшая в февралю 1960 г., а в мае того же года защищенная в качестве докторской диссертации (оппоненты С.Д. Сказкин, А.И. Неусыхин, М.Я. Сюзюмов).

К этому времени Зинаида Владимировна уже несколько лет работала в созданном при ее активном содействии секторе византиноведения. Ее отношения с Сидоровой накалились до предела (но когда Нина Александровна внезапно умерла в 1961 г., Зинаида Владимировна искренне ее жалела). Обе стороны понимали, что лучший выход – разойтись. Но, разумеется, для создания сектора имелись, прежде всего, важные научные причины: в Москве уже появилась целая группа молодых византиноведов. Среди них были Г.Г. Литаврин, К.А. Осипова, Р.А. Наследова, несколько позже З.Г. Самодурова и К.В. Хвостова. Особо надо отметить А.П. Каждана. Этому значительному ученому долго не везло: после аспирантуры и защиты диссертации ему (это были времена "борьбы с космополитизмом") отказали в работе в Москве, и он уехал в Тулу. Потом пришлось уехать и оттуда: его уволили за высказывание на политсеминаре: "Краткий курс" – пособие для домохозяек, читать надо первоисточники". Александр Петрович устроился лишь в Великих Луках. При организации сектора разрешили взять одного способного человека с периферии. Зинаида Владимировна колебалась между Кажданом и Карышковским из Одессы, но предпочла в итоге Каждана (его было взять проще, поскольку в Москве жили его родители, и он мог без труда возобновить прописку, но и в научном плане он показался перспективнее).

Для организации в 1955 г. сектора Зинаида Владимировна использовала авторитет Е.А. Косминского, к тому времени по состоянию здоровья мало функционировавшего. Он согласился считаться заведующим новым сектором, который иначе бы не утвердили, поскольку он целиком состоял из молодежи, еще не имевшей докторских степеней. После смерти Косминского в 1959 г. Удальцова стала исполняющим обязанности заведующего, а после утверждения ее докторской диссертации ВАКом в 1961 г. – заведующим. Сектор стал центром московского, а во многом и всесоюзного византиноведения, сложилась научная школа.

1955 г. для Зинаиды Владимировны стал годом и других событий. Одно было трагическим: не стало Марианны Дмитриевны. Но это был и год первой поездки за границу для участия в Международном конгрессе византинистов в Стамбуле. Тогда такая поездка казалась еще чем-то чрезвычайным. В деревне на Днепре, где она с семьей проводила отпуск, ее нашли телеграммой и предписали срочно возвращаться в Москву, хотя до отъезда на конгресс оставалось еще более месяца. Всё последующее время шли инструктажи, утверждения текстов докладов и пр. Но окончательного решения ЦК все не было, хотя пора было выезжать. Делегация (В.Н. Лазарев, Д.В. Сарабьянов, З.В. Удальцова) уже решила, что поездки не будет. Потом вдруг позвонили и сказали, что нужно лететь. А дорога была сложной: тогда не было прямого сообщения с Турцией и требовались две пересадки в Праге и Париже. В результате делегация опоздала на открытие конгресса и приехала лишь на второй его день. Потом еще не раз судьба поездок, в которых участвовала Зинаида Владимировна, решалась в конце дня, предшествовавшего отъезду; впрочем, всегда итог оказывался положительным, но с большой нервотрепкой. Лишь к 70-м годам в этом смысле стало проще.

В 1955 г. еще не закончился самый острый период "холодной войны", и обстановка была напряженной. Во время поездки по Турции ночью кто-то лопнул в номер, Зинаиде Владимировне и переводчице пришлось забаррикадироваться, на обратном пу-

ти пропал багаж, нашедшийся лишь через три недели. В Стамбул делегация попала спустя несколько дней после жестокого погрома, организованного турками против греков. Страшное впечатление произвело посещение храма византийской постройки, где валялись разбитые иконы, а настоятель был весь забинтован.

Но на самом конгрессе все было по-иному. В большинстве византинисты были настроены к советской делегации доброжелательно. В.Н. Лазарева заочно знали как крупного искусствоведа, а Зинаида Владимировна оказалась приятным сюрпризом. Молодая привлекательная женщина, умевшая вести светскую беседу по-французски, не вписывалась в западные представления о застегнутых на все пуговицы советских людях. Она обижалась только на то, что ее все время называли "мадемуазель Удальцова". Женщины среди западных византинистов тогда уже были, но все еще считалось, что наука и семья несовместимы, и в науку шли старые девы. Зинаида Владимировна пыталась доказать, что у нее есть муж и сын, но ей не верили, считая это пропагандой.

Но и другая сторона меняла свои представления. Удальцова долго верила не только в "революцию рабов", но и в превосходство советской науки, вооруженной правильным методом, над "буржуазной" наукой Запада. А в Стамбуле она увидела интересных людей, много знающих и часто более образованных, особенно по части языков и источников. А. Грегуар, Ф. Пиганьоль и другие "буржуазные ученые" оказались очень приветливы. Особенно теплые отношения у нее установились с Георгием Александровичем Острогорским, русским эмигрантом, жившим в Югославии. Потом он не раз приезжал на родину, бывал у Зинаиды Владимировны дома, была и она у него в Белграде, и дружеские контакты у них продолжались более 20 лет, до его смерти.

И с тех пор Удальцова прочно свыклась с представлением о том, что есть мировая наука о Византии, а советское византиноведение – ее часть. Но это не значило, что она смотрела на западную науку снизу вверх. Наоборот, она всегда оставалась марксистом и считала, что этот подход дает более всего. Для нее казалось неприемлемым исходить из "филиации идей", как она иронически говорила. Она твердо была убеждена, что не идеи правят миром, а экономика. В 50–60-е годы она, безусловно, считала, что надо заниматься социально-экономической историей; здесь она сходилась со своими сотрудниками, включая А.П. Каждана, которого признали за рубежом именно как специалиста в этой области.

А основания гордиться советским византиноведением у Зинаиды Владимировны были. Помимо сотрудников сектора, из которых особенно выделялись А.П. Каждан (вскоре после Удальцовой также ставший доктором наук) и Г.Г. Литаврин, активно работали ленинградские историки: Е.Э. Липшиц, Е.Ч. Скржинская, Г.Л. Курбатов, а также совмещавшая в себе византиниста и востоковеда Н.В. Пигулевская. С Курбатовым и Скржинской отношения были добрыми, с Пигулевской и особенно Липшиц – не очень, но все делали общее дело, постоянно публикуясь в "Византийском временнике". В Свердловском университете с 40-х годов работал ученый старшего поколения М.Я. Сюзюмов, последний из непосредственных учеников дореволюционных византинистов. Он опубликовал очень яркую работу в 1916 г., а потом ни разу не издавался до 1940 г. У него в течение почти 40 лет были с Зинаидой Владимировной и ее сектором самые тесные контакты. В Свердловске благодаря энтузиазму Сюзюмова сложилась целая школа византинистов: М.А. Поляковская, В.А. Сметанин и др., а также, И.П. Медведев, переехавший затем в Ленинград. Наибольшее число византинистов работало в области истории, прежде всего, социально-экономической. Сильна была также школа искусствоведов во главе с В.Н. Лазаревым. Хуже долгое время было с филологией и изучением культуры, тогда еще время не способствовало этому. В этой области некоторое время в секторе работал А.Я. Сыркин, но он скоро перешел на индологию, а затем эмигрировал. Лишь в начале 70-х годов на Византию от первоначальных занятий Плутархом перешел С.С. Аверинцев.

К началу 60-х годов византистика у нас уже была столь развита, что можно было приступить к написанию трехтомной "Истории Византии". И тогда, и позже до конца

советской эпохи у нас очень большое значение придавалось таким обобщающим трудам. В недавнее время покойный Я.Н. Любарский писал, что инициатором работы был А.П. Каждан. Но все-таки основной импульс исходил от Зинаиды Владимировны. Она также пробивала работу наверху, распределяла обязанности и написание глав книги, координировала всю деятельность авторов, хотя, безусловно, роль А.П. Каждана и Г.Г. Литаврина также была очень значительной. Трехтомник вышел в 1967–1968 гг. 60-е годы были, пожалуй, расцветом активности Зинаиды Владимировны. Она много писала, много занималась организаторской деятельностью. Под руководством академика Е.М. Жукова был создан Всесоюзный научный совет "Закономерности перехода от одной общественно-политической формации к другой", где она возглавила секцию феодализма и с 1964 г. раз в два года проводила сессии. На одной из них кто-то из участников прислал стихи о "прекрасной даме, которая просит соблюдать регламент". Зинаида Владимировна имела репутацию красивой женщины и активно эту репутацию поддерживала. Она любила ездить по стране и за границу. После Стамбула она постоянно участвовала в Международных конгрессах византинистов, а с 1965 г. также и в Международных конгрессах историков. С 1966 г. она уже официально стала главным редактором "Византийского временника". Не раз его пытались закрыть: даже в это время для многих византиниста казалась "неактуальным" занятием, но Удальцова обходила все рифы. Продолжала она (после короткого перерыва из-за "борьбы со злостными совместителями", инициированного Н.С. Хрущевым) и преподавание в МГУ, как раз в это время ее студентами, а затем аспирантами были С.П. Карпов и П.И. Жаворонков.

В августе 1970 г. очередной Международный конгресс историков состоялся в Москве. Возглавлявший оргкомитет академик Е.М. Жуков, всегда благоволивший к Зинаиде Владимировне, поручил ей вместе с Е.В. Гутновой (старой ее знакомой по университету и аспирантуре) один из основных докладов. Доклад, в котором давалось типологическое сравнение западноевропейского и византийского феодализма, сделанный Удальцовой в актовом зале МГУ, имел успех, докладчица могла чувствовать себя на вершине славы. Но в ее жизни нередко радости совпадали с несчастьями. В тот же самый день тяжело заболел Владимир Амвросьевич, которому было уже 86 лет, и через месяц скончался. Выполняя его просьбу, Зинаида Владимировна с сестрой заказали сорокоуст и присутствовали на отпевании.

Чуть раньше, в 1968 г. начались реорганизации Института истории, который разделили на две части. А Зинаиду Владимировну уговорили со всем сектором перейти в Институт славяноведения, где она уже когда-то работала. Но на новом месте не сладилось, и через два года сектор вернулся обратно, теперь уже в Институт всеобщей истории, где Зинаида Владимировна работала затем до последнего дня. В институте остался Г.Г. Литаврин, которому, как когда-то Зинаиде Владимировне, пора было создавать собственный центр. На период работы в Институте славяноведения пришлось завершение и публикация историографической книги Удальцовой "Советское византиноведение за 50 лет" (М., 1969). В книге очень детально описаны работы по Византии с конца 30-х по конец 60-х годов, то есть марксистского периода, но ранний период, когда работали ученые старой школы, описан очень бегло: у автора не лежала душа к их деятельности, представлявшейся ей сильно устаревшей, а церковная история не была ее сферой. Теперь в нашей историографии приоритеты явно изменились.

Следующая ее книга "Общественно-политическая борьба в ранней Византии" (М., 1974) тоже была в какой-то степени историографической, но речь в ней шла об историках не XX, а IV–VI вв. (заглавие книги не вполне отражает ее суть). Снова Зинаида Владимировна обратилась к ранней Византии, в том числе к уже изучавшемуся ей Прокопию, но теперь в ином ракурсе. И в центре внимания теперь была не столько социально-экономическая история, сколько история идей. До какой-то степени, впрочем, исследовательница вернулась на другом материале к проблематике кандидатской диссертации. Снова затрагивались вопросы противостояния светской и церковной культуры, только в период, когда светские античные традиции уже вытеснялись хри-

стианской культурой. Первая часть книги была посвящена светским, языческим или лишь поверхностно христианизированным авторам исторических сочинений, вторая – авторам церковных хроник. Безусловно, симпатии Зинаиды Владимировны были на стороне первых, особенно любимых ею Аммиана Марцеллина и Прокопия. В них она видела живых людей, сопереживала им и их героям. Стиль ее всегда был очень эмоционален, она стремилась создавать психологические портреты своих персонажей.

Обстановка в стране и в среде интеллигенции между тем менялась. Зинаида Владимировна и ее муж однозначно отнеслись положительно к снятию Хрущева: очень уж он раздражал некультурностью и страстью к непродуманным реформам. К новым руководителям, особенно к А.Н. Косыгину, они отнеслись доброжелательно, но постепенно на первый план вышел Л.И. Брежнев, все более терявший здоровье и не скрывавший свою некомпетентность. Отделом науки ЦК долго руководил старый сослуживец Брежнева С.П. Трапезников, прославившийся тем, что в первом публичном выступлении перед академической аудиторией (на нем была и Удальцова) произнес слово *престиж* с ударением на первом слоге. Многие в том, что шло сверху, раздражало и Зинаиду Владимировну, и Михаила Антоновича, но еще больше их расстраивали все более проявлявшиеся антикоммунистические настроения среди окружавших их интеллигентов. Они мало сталкивались с диссидентами в прямом смысле, но с ближайшими сотрудниками часто было работать все труднее.

Сложными были отношения с А.П. Кажданом, хотя деловое сотрудничество довольно долго сохранялось. Но все более выходили наружу различия в системе ценностей. Разница взглядов все более сказывалась на взаимоотношениях, но когда в 1974 г. у Каждана случился инфаркт, Зинаида Владимировна очень ему сочувствовала. Однако его эмиграция в 1978 г. (вслед за сыном, уехавшим тремя годами раньше) не стала для нее неожиданностью.

Позже, с 70-х годов выдвинулся как византинист С.С. Аверинцев. У Зинаиды Владимировны к нему были симпатии: нравились его образованность и преданность древним культурам. Она долго ему покровительствовала и с гордостью говорила: "Я сделала Аверинцева выездным". На нее произвело большое впечатление, как во время поездки в Грецию он в античном амфитеатре в Эпидавре декламировал древнегреческих поэтов. Позже (1982 г.), когда их отношения уже ухудшились, Удальцова оппонировала на докторской защите Аверинцева. Но две его черты ее разочаровали. Они однажды вместе ездили в Болгарию, жена Сергея Сергеевича в это время ждала ребенка, и он заходил чуть ли не в каждый храм и молился за то, чтобы всё прошло благополучно. Такая степень религиозности была ей непонятна: скорее она могла принять обрядовую сторону церкви и не побоялась участвовать в отпевании отца, но мистику она просто не понимала. И еще тяжелее она перенесла поступок Аверинцева во время поездки в Париж. Он бросил делегацию и на целый день уехал куда-то к русским эмигрантам. Дело было даже не в том, что это были эмигранты: Острогорский ей нравился. Но тот был гражданином социалистической Югославии, лояльным к своей власти, а тут были люди, известные недоброжелательством к Советскому Союзу. Она искренне не понимала, зачем хорошему ученому надо общаться с такими людьми.

Отношение Зинаиды Владимировны к еще остававшимся представителям старой русской интеллигенции было гораздо лучше, чем к западникам. Она ценила в них и культуру, и патриотизм, и, вероятно, сходство с интеллигентами, памятными ей по временам Кисловодска. С юности она дружила с Дмитрием Павловичем Каллистовым, ленинградским античником. А Каллистов бывал до того и на Соловках, о чем ей рассказывал, позже он стал одним из основных источников информации по данной теме для "Архипелага ГУЛАГ". Взгляды не мешали ей сочувствовать судьбе Дмитрия Павловича. Их дружба длилась более 30 лет, а когда он в 1973 г. долго и тяжело умирал от опухоли мозга, она очень была расстроена, а потом специально ездила в Ленинград на похороны. Уже с 60-х у нее установились хорошие отношения с Д.С. Лихачевым. Зинаида Владимировна из симпатий к нему постоянно покровительствовала его дочери Вере Дмитриевне, занимавшейся византийским искусством, трагически погиб-

шей в 1981 г. Сохранились интересные и достаточно откровенные письма Дмитрия Сергеевича к Зинаиде Владимировне и Михаилу Антоновичу. Удальцова понимала, что такие, как Каллистов и Лихачев не любят советскую власть. Но она думала, что теперь, когда бури улеглись, как казалось, навсегда, эти люди считали существующую власть меньшим злом по сравнению с Западом и западничеством. Для них (по крайней мере, в то время) все-таки СССР был продолжением "их" России.

Но Зинаида Владимировна оставалась коммунисткой не только по принадлежности в партии, но и по взглядам. Сейчас часто говорят, что все у нас в те годы были заражены "двоемыслием", кроме лишь открытых диссидентов. Предполагается, будто верить в советские идеи не мог никто. Но тут было именно так. Может быть, Зинаида Владимировна иногда в чем-то и сомневалась, но убеждала в верности линии ЦК не только других, но и себя. Михаил Антонович, человек с гораздо более сложной судьбой, переживший и гражданскую войну, и коллективизацию, был здесь полным единомышленником. Она верила в то, что ей говорили "наверху", и старалась выполнять получаемые директивы. Представляется, что в этом не было чего-то специфически советского: здесь было нечто похожее на американские традиции, согласно которым президент США заслуживает поддержки не за личные качества, которые могут быть всякими, а как представитель института власти.

Не всегда, однако, здесь ее представления и стремления совпадали с реальностью. Неудачей она, например, считала свое "хождение во власть". В 1961 г., Зинаиде Владимировне, только что успешно защитившей докторскую диссертацию, предложили стать депутатом Моссовета. Она согласилась с радостью, ей такая деятельность казалась интересной. Когда она стала депутатом, ее приветил тогдашний московский руководитель Н.Г. Егорычев; с делегациями, им возглавляемыми, она ездила в Ленинград, потом в Алма-Ату на празднование 40-летия советской власти в Казахстане, где несколько дней вблизи наблюдала Хрущева. Как бы она критически ни относилась к его личности, это казалось интересным.

Но депутатские будни принесли ей разочарование. Сначала Зинаида Владимировна отнеслась к своим обязанностям со всей ответственностью, сидела на своем участке в приемные дни и пыталась выполнять наказания избирателей, одним из которых была просьба об открытии в ее округе общественного туалета. Однако скоро стало понятно, что депутат никакой реальной роли не играет, все решает аппарат райисполкома. Под конец срока Зинаида Владимировна уже не старалась ничего сделать, а перед следующими выборами решительно отказалась вновь баллотироваться, хотя сам Егорычев очень просил ее остаться.

Властные органы относились к Удальцовой всегда хорошо. Это сыграло роль и в ее избрании членом-корреспондентом АН СССР в декабре 1976 г. (правда, с пятой попытки), и в назначении директором Института всеобщей истории летом 1980 г., после смерти академика Е.М. Жукова. И тут снова успехи совпадали с несчастьями. Через несколько месяцев после избрания в Академию у Зинаиды Владимировны обнаружилась крайне опасная болезнь, в июне 1977 г. ей сделали тяжелую операцию, исход которой несколько дней был неясен. К счастью, все обошлось. А вскоре после ее назначения директором, в конце 1980 г., скоропостижно скончался Михаил Антонович.

Кроме директорства в институте, на Зинаиде Владимировне лежали и другие обязанности. По совместительству ей почти одновременно с назначением директором пришлось стать заведующей кафедрой средних веков исторического факультета МГУ (после смерти А.И. Данилова). Она возглавляла кафедру несколько лет, а незадолго до смерти передала ее своему любимому ученику С.П. Карпову после защиты им докторской диссертации (он стал впоследствии членом-корр. РАН и деканом истфака). Несколько лет она возглавляла Российское палестинское общество, но затем отказалась от него по причинам, сходным с причинами отказа от депутатства. Кроме "Византийского временника", она 10 лет была и главным редактором "Вестника древней истории". Под ее редакцией был издан трехтомный труд "История крестьянства в Европе в средние века" (М., 1985), была она и в числе руководителей работы над

восьмитомной "Историей Европы", за участие во "Всемирной истории" она в 1987 г. получила Государственную премию СССР. Постоянно она ездила на международные конференции, в том числе на всемирные конгрессы историков (пять раз) и византинистов (восемь раз). В международных кругах византиноведов и медиевистов ее хорошо знали и, насколько я представляю, уважали. Она долго добивалась права провести один из конгрессов византинистов в Москве. Это было не так легко, поскольку требовались две санкции: Отдела науки ЦК и Международного комитета византинистов. На это ушло много сил и времени, несколько раз не получалось. Наконец, на очередном конгрессе в США в 1986 г. было принято решение провести следующий конгресс в Москве. Зинаида Владимировна очень этим гордилась. Решение было реализовано, но уже без нее, возглавлял московский конгресс 1991 г. Г.Г. Литаврин.

В эти годы начинались перемены и в науке, и во всей жизни. Кое-что Зинаида Владимировна понимала и принимала, особенно в сфере самой науки. Еще с конца 70-х годов она осознала, что происходит сдвиг интересов от социально-экономических вопросов к проблемам культуры. По ее инициативе началась работа над новым трехтомником "История византийской культуры". Частично сохранялся прежний коллектив, пополнившийся С.С. Аверинцевым и другими специалистами нового поколения. Увидеть изданным ей было суждено лишь первый том (1984 г.). Посмертно Зинаида Владимировна получила Государственную премию Российской Федерации в составе коллектива авторов трехтомника (1995 г.). На основе своих теоретических разделов в "Истории" она решила подготовить общий очерк византийской культуры, довольно быстро написав небольшую книгу "Византийская культура", последнюю свою монографию. Здесь она впервые коснулась не только раннего и позднего, но и среднего периода, дав очерк византийской культуры на протяжении тысячелетия. Зинаида Владимировна успела прочесть лишь корректуру книги, вышла она посмертно в 1988 г.

Но иначе она восприняла общественные перемены. "Перестройка" началась, когда она находилась на вершине своей карьеры, а здоровье и силы уже были не те, что когда-то. Мне кажется, что из-за тогдашних привычек медленно продвигать людей Зинаида Владимировна стала во главе института слишком поздно. Кроме всего прочего, она стала терять ранее свойственное ей умение меняться вместе со временем.

Однако и перемены все более оказывались для нее непонятными. Ей нравился М.С. Горбачев и тем, что он молод и энергичен, и просто как руководитель "своей" страны и "своей" партии. Представить себе дальнейшее в 1985–1987 гг. мало кто мог. Но Зинаида Владимировна стала ощущать, что реформы выходят за пределы всех многочисленных трансформаций, пережитых ею до того. Она не знала, как все это оценивать. Как-то незадолго до смерти она сказала мне: "Что ж, если для укрепления страны нужно изменить экономику, значит так и надо. Но лишь бы не трогали идеологию!".

Но уже покушались и на идеологию. Заведующий сектором в ее институте Ю.Н. Афанасьев (до этого один из ее фаворитов) напечатал, да еще в журнале "Коммунист" статью с резкими оценками всей советской исторической науки. Удальцова с трудом переживала эту, как ей казалось, неблагодарность. Конфликт с Афанасьевым разрешился его уходом в Историко-архивный институт. Совсем незадолго до смерти я застал ее совершенно убитой из-за того, что еще мало известный журнал "Век XX и мир" опубликовал статью М.Я. Гефтера. Они были знакомы со студенческих лет, и их отношения до 60-х годов были хорошими. Но когда Гефтер вышел из КПСС, он перестал для нее существовать.

В институте начались собрания с предложениями о реорганизации Ученого совета, о расширении прав трудового коллектива за счет дирекции. До прямых нападений "общественности" на директора при ее жизни не дошло, но можно было ждать и такого.

За три дня до смерти, в субботу 26 сентября 1987 г. я видел мать последний раз (в 1979 г. она переехала в академический дом на Ленинском проспекте). Она была занята корректурой "Византийской культуры" и академическими делами. Через два дня она

уехала в Баку на симпозиум вместе с венгерскими учеными во главе с академиком Пахомом, которые тогда были очень любезны и настроены на сотрудничество с Москвой. На другой день, 29 сентября всех повезли на экскурсию по городу. Зинаида Владимировна была в хорошем настроении, интересовалась Баку, в котором была впервые, а когда приехали на пляж, вдруг захотела искупаться. В молодости она хорошо плавала, но к тому времени не входила в воду уже лет десять, а то и больше. В воде ей стало плохо, и она захлебнулась. Ей было 69 лет. Тело привезли в Москву. Похоронили Зинаиду Владимировну Удальцову на Ваганьковском кладбище рядом с родителями и мужем, в 1999 г. там положили и ее сестру.

Прошли два десятилетия, идеи, незыблемые для Зинаиды Владимировны, были официально осуждены и отвергнуты. История Византии стала во многом другой, на первый план выдвинулись самые далекие от нее проблемы вроде исихазма и догматики. Но как бы ни расходились между собой понимание задач истории у Зинаиды Владимировны и многих нынешних византинистов, она любила свое дело, активно способствовала возрождению российской науки о Византии после упадка 30-х годов, а затем в течение четырех десятилетий способствовала ее развитию. Полвека существует созданный ею сектор, продолжает выходить "Византийский временник", который она вела много лет и спасала от попыток закрытия. И память о Зинаиде Владимировне сохраняется благодаря ее ученикам, многие из которых и сейчас активно работают.